

формации. В связи с этим сотрудниками органов внутренних дел иницируется проведение опроса данного лица в дружественной комнате специалистом, чьим профилем деятельности является работа с несовершеннолетними, получившими психологическую травму, и имеющим соответствующее образование. При подготовке к опросу сотрудниками органов внутренних дел, исходя из имеющихся на этот момент материалов, разрабатывается список вопросов, подлежащих выяснению, с учетом которых специалист выстраивает диалог с опрашиваемым лицом. Проведение подобного рода опросов предполагает наличие особой тактики ведения беседы с несовершеннолетним, в том числе ее начало с разъяснения данному гражданину необходимости рассказывать правду и ряда вопросов, подтверждающих осознание ребенком данного утверждения. При проведении подобного опроса осуществляется аудио- и видеозапись, после чего диск с зафиксированными на нем показаниями опрашиваемого лица предоставляется инициатору опроса. Практика демонстрирует, что в последующем, в случае подтверждения достоверности зафиксированных показаний несовершеннолетнего участника уголовного процесса, а также настолько полного и детального описания всех подробностей происшедшего в его показаниях, что не требуется никаких уточнений, данный участник может даже не быть допрошен. При этом вышеуказанный диск приобщается к материалам уголовного дела, подлежит осмотру и детальной фиксации содержащейся на нем аудио- и видеозаписи, после чего признается вещественным доказательством по данному уголовному делу.

Вместе с тем возникает некоторая коллизия при оценке доказательств в сложившейся следственной ситуации. В соответствии с положениями УПК доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, в свою очередь, источниками доказательств, помимо прочего, являются показания потерпевшего и свидетеля, в том числе несовершеннолетнего, а также их звуко- и видеозапись. Однако в ст. 93 и 94 УПК содержится уточнение о том, что показания указанных участников должны быть получены у них лишь в ходе допроса. При этом следует отметить, что методика проведения допроса несовершеннолетнего лица с использованием дружественной комнаты фактически дублирует алгоритм проведенного ранее опроса с той лишь разницей, что вопросы, подлежащие выяснению, в случае допроса составляет следователь.

Таким образом, фактически в уголовном деле имеются показания несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, однако они получены не в рамках допроса, в связи с чем не являются источниками доказа-

тельств, предусмотренных ст. 93 и 94 УПК. Диск с видеозаписью опроса в данной ситуации относится к иным источникам доказательств. Однако даже при наличии диска с видеозаписью опроса указанного участника с максимально подробным и детальным описанием происшедших событий, отсутствие протокола допроса несовершеннолетнего лица может быть истрактовано как нарушение положений ст. 18 УПК. При этом вред психическому здоровью указанного участника от одной необходимости явиться к следователю может быть весьма значительным, не говоря уже о требовании еще раз рассказать о происшедшем травмирующем событии. А задействование дружественной комнаты для повторного получения тех же показаний того же лица, с единственным отличием в лице инициатора его проведения без необходимости получения каких-то дополнительных деталей, имеющих значение для уголовного дела, видится нецелесообразным расходом бюджетных средств.

Исходя из вышеизложенного, следует вывод о необходимости рассмотрения вопроса о более детальном изучении законодательства и дополнительном урегулировании порядка получения показаний у несовершеннолетних потерпевших и свидетелей с использованием дружественных комнат опроса, а также пересмотра вопроса об оценке полученных в ходе первоначального опроса показаний с точки зрения их доказательственного значения. Решение данного вопроса имеет существенное значение, поскольку, наряду с основными задачами правоохранительных органов в виде установления истины по уголовному делу и собирания доказательств, немаловажной особенностью такого направления деятельности данных органов является минимизация вреда для психики указанных участников от совершенного преступления и последующего его расследования.

УДК 343.13

М.А. Макаренко

РЕФОРМЫ ИНСТИТУТА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА, КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В современных условиях актуальность взаимодействия и обмена опытом в рамках Содружества Независимых Государств значительно повышается в самых различных сферах, включая, конечно же, и уголов-

ное судопроизводство. Для российской уголовно-процессуальной науки особый интерес представляет обращение к законодательству Республики Беларусь, в результате реформирования которого так же, как и в России, претерпел существенные изменения институт процессуального руководства, контроля и надзора, а также был образован специализированный следственный орган.

В результате реформы, проведенной в Российской Федерации в 2007 г., был создан Следственный комитет при прокуратуре, который со вступлением в законную силу в январе 2011 г. Федерального закона Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 403 «О Следственном комитете Российской Федерации» (ФЗ РФ № 403) [1] был преобразован в самостоятельный федеральный орган государственной власти, подчиненный исключительно Президенту России [2].

Происшедшие в России преобразования явились решительным шагом в реализации идей о разделении функций расследования преступлений и прокурорского надзора, а также о создании единого следственного органа, нашедших отражение в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. [3]. До этого они высказывались в научных трудах ряда советских процессуалистов. Но в упомянутой Концепции предполагалось сохранение за прокурором функции процессуального руководства в досудебном уголовном судопроизводстве, а следственный аппарат предлагалось сформировать либо в Следственном комитете как службе обвинительной власти либо в судебной системе через введение института следственных судей.

Вместе с тем единый следственный орган в Российской Федерации до сих пор не образован и, наряду со Следственным комитетом России, следственный аппарат сохранен в органах внутренних дел, а также и в Федеральной службе безопасности. Прокурор же утратил возможность осуществления уголовного преследования в досудебном производстве, которое как прокурорскую функцию даже предлагается исключить из закона [4, с. 118], а также руководить процессуальной деятельностью следователей (но не дознавателей). Наряду с этим в 2007 г. произошло резкое сокращение и надзорных возможностей прокурора – их существенное секвестирование [5, с. 38]. Однако некоторые из них, такие как право отменять решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и приостановлении следствия, были возвращены ему ФЗ РФ № 403.

В Беларуси Концепция судебно-правовой реформы была утверждена Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г. В ней отражалось намерение создать единый самостоятельный и независи-

мый следственный аппарат, но образуется он лишь Указом Президента Республики Беларусь от 12 сентября 2011 г. [6] и несколько позже его статус определяется специальным законом [7]. В отличие от России, в Беларуси следственные подразделения упраздняются не только в системе прокуратуры, но и в органах внутренних дел, но остаются в органах госбезопасности.

Как следует из ст. 34 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. [8] (далее – УПК Республики Беларусь), за прокурором сохраняется право возбуждать уголовные дела и отказывать в их возбуждении, расследовать их в полном объеме или поручать производство по ним органу следствия. Кроме того, в данной статье прямо указывается на то, что прокурорский надзор осуществляется за расследованием уголовных дел органами следствия и дознания, а процессуальное руководство и надзор – лишь за следствием, проводимым нижестоящими прокурорами. В связи с последним возникает вопрос о том, насколько возможен надзор вышестоящего за процессуальной деятельностью нижестоящего? Исходя из главных постулатов теории института прокуратуры, одной из важнейших черт прокурорского надзора является его внешний характер. К слову, в противоречие этому в 1928 г. в органах прокуратуры был образован следственный аппарат.

Другой вопрос возникает в связи с тем, что прокурор наделяется правом давать органам дознания обязательные для исполнения указания о производстве следственных и иных процессуальных действий, а оперативно-розыскным органам – оперативно-розыскных мероприятий. При этом не уточняется, по каким делам такие указания могут даваться – по любым или только тем, что находятся в его производстве. Соответственно, имеет место неопределенность в том, осуществляет в отношении данных органов он процессуальное руководство или нет.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Республике Беларусь функции органов дознания являются классическими, аналогичными тем, что были предусмотрены во второй половине XIX в., когда дознание означало «до следствия» и выступало в качестве стадии уголовного процесса. Они принимают, регистрируют и проверяют сообщения о преступлениях с принятием по ним решения, проводят оперативно-розыскные мероприятия, при необходимости до передачи возбужденного уголовного дела следователю производят неотложные следственные действия [9, с. 81]. Их процессуальная деятельность осуществляется под контролем начальника органа дознания и надзором прокурора.

Что же касается прокурорского надзора за следствием, то в результате проведенных реформ он претерпел существенные ограничения и

в России, и в Беларуси, уголовно-процессуальными законами которых установлены его пределы, но, сразу скажем, далеко не одинаковые. Как показывает анализ соответствующих правовых установлений последних, в обоих государствах не предусматривается процессуальное руководство прокурора за следственной деятельностью, и главное его средство – дача указаний состоит в арсенале руководителей (начальников) следственных органов (подразделений). Лишь в случае возвращения уголовных дел следователю прокурор вправе одновременно с этим давать следователю указания. Однако в целом полномочия белорусских прокуроров, позволяющие оказывать воздействие на его деятельность, значительно шире тех полномочий, которыми наделены российские прокуроры.

Согласно УПК Республики Беларусь при санкционировании мер пресечения прокуроры вправе лично производить отдельные следственные действия по уголовным делам, находящимся в производстве следователя. Он вправе отменять постановления следователей и начальников следственных подразделений, если признает их незаконными и (или) необоснованными. Есть только одно исключение, которое распространяется на постановления Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, которые выносятся взамен санкций прокурора на применение мер пресечения, производство следственных и иных процессуальных действий. В России же прокурор, как уже отмечалось выше, вправе отменять лишь несколько процессуальных решений следователя, а если быть точным – только четыре, хотя и самых важных в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

При выявлении других нарушений законности, не связанных с вынесением незаконного или необоснованного постановления, как белорусский, так и российский прокурор, применяют такой акт реагирования, как письменное требование об их устранении. По УПК Республики Беларусь они адресуются начальнику следственного подразделения или органа дознания и подлежат рассмотрению в месячный срок, если иной срок в нем не предусмотрен. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [10] (УПК РФ) они адресуются следователю, который может не согласиться с ними и представить свои возражения на разрешение руководителя следственного органа. В случаях солидарности с позицией следователя, последним выносятся постановления о несогласии с требованием прокурора, которое в течение пяти суток подлежит направлению в органы прокуратуры.

В Беларуси прокуроры санкционируют как применение мер пресечения, так и производство ряда следственных и иных процессуальных

действий. В России же с введением судебного контроля такое понятие, как «санкция прокурора», ушло в далекое прошлое. Следователи и дознаватели с согласованными в установленном порядке ходатайствами обращаются в суд, где в судебном заседании с участием прокурора рассматривается вопрос о применении мер принуждения или разрешении производства соответствующих следственных и иных процессуальных действий.

Российский руководитель следственного органа обладает широчайшими полномочиями по осуществлению, как процессуального руководства, так и контроля за подчиненными ему следователями. Однако УПК РФ лишь перечисляет его полномочия, но не определяет его функциональных обязанностей. Можно лишь предполагать, обращая на наименование и статус данного участника процесса, что основной его функцией выступает процессуальное руководство. В УПК Республики Беларусь прямо закрепляется обязанность начальника следственного подразделения осуществлять данную функцию, а также контролировать законность и своевременность действий следователей по расследованию преступлений, принимать меры к наиболее полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств дела. Но следует отметить, что его полномочия не столь обширны, как у коллег из России.

Таким образом, в России и Беларуси с менее чем двухлетним разрывом проводились реформы досудебного производства, в результате которых сформированы новые органы следственной власти, находящиеся в подчинении глав государств. В составе полномочий прокуроров сохранены в основном надзорные полномочия, а функция процессуального руководства передана руководителям следственных органов. Сложившиеся модели контроля и надзора в досудебном производстве во многом сходны, если подвергнуть их сравнению с моделями, функционирующими в других странах СНГ, но по своему внутреннему содержанию они отличаются, особенно в части правосубъектности прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса.

1. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «О Следственном комитете Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12181539>. – Дата доступа: 28.10.2022.

2. Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (ред. от 15.06.2022) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с Положением о Следственном комитете Российской Федерации) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109295. – Дата доступа: 28.10.2022.

3. О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верхов. Совета РСФСР, 24 окт. 1991 г., № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

4. Победкин, А.В. Модель взаимоотношений прокурора, руководителя следственного органа и следователя (с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) / А.В. Победкин // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2018. – № 2 (46). – С. 117–122.

5. Цветков, Ю.А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России / Ю.А. Цветков // История государства и права. – 2015. – № 3. – С. 33–38.

6. Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 12 сент. 2011 г. № 409 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 104. – 1/12845.

7. Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 года «О Следственном комитете Республики Беларусь» (ред. от 07.05.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31230185&pos=5;-106#pos=5;-106. – Дата доступа: 28.10.2022.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. (ред. от 22.07.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>. – Дата доступа: 28.10.2022.

9. Бибило, В.Н. Историко-правовые аспекты организации и функционирования органов досудебного производства по уголовному делу в Беларуси / В.Н. Бибило // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2018. – № 2. – С. 78–83.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125178>. – Дата доступа: 28.10.2022.

УДК 343.142

Ю.А. Мартынов

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ТРЕБУЕТ ИЗМЕНЕНИЙ

После обретения независимости Республикой Беларусь началось активное формирование национального законодательства. В 1992 г. Верховным Советом Республики Беларусь была принята Концепция судебно-правовой реформы, в которой отмечалось, что действующие нормы, регламентирующие предварительное расследование, не способствуют обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса и требуется их совершенствование, в том числе модернизация форм расследования [1, с. 15].

После этого были приняты Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь (УК, УПК). Следует отметить, что первый

УПК незначительно отличался от УПК БССР. Поэтому в новый УПК, еще не вступивший в действие, уже с 11 мая 2000 г. стали вноситься изменения и дополнения. За прошедшие с момента принятия УПК 20 лет было принято 60 законов о внесении изменений и дополнений. Так, были введены нормы о досудебном соглашении с подозреваемым (обвиняемым), ускоренном производстве, апелляционном производстве. В УПК введены нормы, предусматривающие медиацию (ст. 30¹), проведение нового следственного действия «осмотр компьютерной информации», применение новой меры пресечения «запрет определенных действий». Было реформировано дознание. Кроме того, значительно изменилось ускоренное производство. Согласно ст. 459 УПК суд может постановить приговор без судебного разбирательства [2]. Внесены в УПК и другие изменения и дополнения, что способствовало всестороннему, полному и объективному производству по материалам и уголовным делам.

Вместе с тем основания и процессуальный порядок окончания предварительного расследования почти не претерпел изменений. По действующему УПК окончание предварительного расследования имеет следующую последовательность.

Во-первых, собранные по материалам и уголовному делу доказательства подлежат всесторонней, полной и объективной проверке следователем путем их анализа, сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Во-вторых, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – с точки зрения достаточности для окончания предварительного расследования. В-третьих, собранные по делу документы (материалы) систематизируются, нумеруются, составляется их опись, после чего они сшиваются в определенной последовательности. В-четвертых, признав, что все следственные действия по уголовному делу выполнены, а собранные доказательства достаточны для передачи уголовного дела прокурору для направления в суд, следователь уведомляет об этом заинтересованных участников и разъясняет им право знакомиться с уголовным делом, а равно заявлять ходатайства о дополнении предварительного расследования (ст. 255 УПК) [5]. В-пятых, одновременно с уведомлением заинтересованных лиц, следователь назначает дату и время, в которое необходимо явиться для ознакомления с уголовным делом. В-шестых, ознакомление заинтересованных лиц с материалами уголовного дела. В-седьмых, разрешение заявленных участниками процесса ходатайств при ознакомлении с материалами уголовного дела.